

УДК 902/903

ОРНИТОМОРФНЫЙ ОБРАЗ В ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ГРАФИКЕ ДРЕВНИХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В. В. Бобров

ORNITHOMORPHIC IMAGES IN ORNAMENTAL GRAPHICS OF ANCIENT SOCIETIES IN WEST SIBERIA

V. V. Bobrov

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», Соглашение 14.В37.21.0954; Государственное задание НИР, регистрационный № 01203263112.

Исследование посвящено иконографическому и стилистическому анализу орнитоморфных изображений в стиле орнаментальной графики, характерных для энеолитического времени и ранней бронзы Урала и Зауралья, а также для искусства развитой бронзы Томско-Нарымского Приобья. Выделены две стилистические группы изображения птиц, даны их особенности и тенденция развития. Предложена гипотеза о самостоятельной линии развития иконографии и стиля орнитоморфных изображений в самусьском искусстве.

The research focuses on iconographic and stylistic analysis of ornithomorphic images in the ornamental graphic style which are typical for Chalcolithic and Early Bronze periods in the Ural and Trans-Ural regions. They are also typical for the art of Developed Bronze period in Tom-Narym Ob. Two stylistic groups of birds images are allocated, their features and development tendency are presented. The author proposes a hypothesis on the independent development of iconography and style of ornithomorphic images in Samus art.

Ключевые слова: энеолит, ранняя бронза, самусьская культура, изобразительная традиция, стиль, иконография, Зауралье, Томско-Нарымское Приобье.

Keywords: Chalcolith, Early Bronze period, Samus culture, graphic tradition, style, iconography, Trans-Ural, Tom-Narym Ob.

Введение

Изобразительное творчество древних и средневековых народов Сибири представлено различными видами искусства. Это мелкая пластика и монументальная скульптура, барельеф и горельеф, гравировка, выбивка и шлифовка на скальных плоскостях, а также изображения минеральными красками. Но особо следует выделить орнаментальную графику. К ней следует относить орнито-, зоо- и антропоморфные изображения на керамических сосудах, выполненные в той же технике, что и орнамент. На международной конференции «Древнее искусство Евразии (IV – II тыс. до н. э.)», которая проходила 15 – 19 апреля 2013 г в г. Штральзунд и которая была организована Германским археологическим институтом, я предложил назвать этот вид искусства «орнаментальной графикой». На мой взгляд, это понятие наиболее точно отражает технику изображения и его основную стилистическую характеристику.

Несмотря на то, что керамических сосудов, содержащих изображения в орнаментальной графике, немного, в западносибирской археологии этот вид искусства существовал очень долго от предположительно раннего неолита до нового времени, в частности, в культуре сформировавшихся этносов этого региона. Естественно, были исторические периоды и достаточно длительные во времени, в которых этот вид изобразительной традиции отсутствовал. Её возрождение в культуре населения нового периода вызывает у специалистов вопрос – где, в какой среде и как шел процесс сохранения орнаментальной графики? Длительный разрыв в передаче информации,

опыта и навыков, основанной на процессе социализации подрастающего поколения, должен был привести к утрате традиции. Впервые на проблему цикличности, но в среде материальной культуры этнических образований раннего средневековья Центральной Азии и Южной Сибири, обратил внимание Д. Г. Савинов [15]. Он же и автор данной статьи в совместном докладе на XVII Уральском археологическом совещании в 2007 г., которое проходило в г. Екатеринбурге, ещё раз вернулись к цикличности, приводя в качестве аргументов материалы не только средневековья, но и эпохи бронзы, в том числе орнаментацию керамической посуды [16]. Теоретически нельзя исключать, что традиция орнаментальной графики, в частности, могла быть утрачена, а её появление через столетия было независимым, самостоятельным возникновением этого вида искусства.

Решение обозначенных двух противоположных позиций возможно только в процессе скрупулезного анализа орнаментальной графики в пределах западносибирского пространства и её развития в широком хронологическом диапазоне. Другим аспектом, определившим научный интерес к теме данной статьи, являются два обстоятельства.

Во-первых, образ птицы занимает исключительное место в орнаментальной графике древнего населения Западной Сибири по сравнению с зоо- и антропоморфными изображениями.

Во-вторых, орнаментальная графика остается наименее исследованным видом изобразительной деятельности древних популяций в археологии региона до настоящего времени. Именно эти обстоятельства

или фактора определяют актуальность тематики исследования.

Методологически решение рассматриваемой проблемы может быть реализовано на принципах и методах изучения орнамента, а также искусствоведения. В археологии Азиатской части России нет такого региона, в котором они получили бы такое же развитие как в западносибирском. Это объясняется разнообразием в структуре декоративно-прикладного искусства древних народов Западной Сибири и спецификой его развития. Такая направленность развития декоративного творчества во многом обусловлена особенностями историко-культурных процессов на данной территории.

Современный уровень изучения орнамента требует определения техники его нанесения исходя из эталонов экспериментальной базы данных, а точнее на узкоспециализированном профессиональном подходе в области технологии орнамента. К сожалению, далеко не все материалы данной работы были подвергнуты исследованию в этом аспекте.

Анализ источников

На западносибирском пространстве можно выделить два региона, в которых получило распространение изображение птиц на керамической посуде – Зауралье и Томско-Нарымское Приобье. Наиболее популярны орнитоморфные изображения в орнаментальной графике в археологических культурах Урала и Зауралья. Самые ранние по времени изображения, по мнению Л. Л. Косинской, относятся к быстринской культуре, ареал которой связан с Сургутским Приобьем и которая датирована ранним неолитом [9]. Если признать правомерность данного мнения, то следует признать возникновение орнитоморфной орнаментальной графики в манере геометрического схематизма, как изначальной. Л. Л. Косинская дает очень точное описание изображения водоплавающих птиц, поэтому ограничусь цитированием: «Иконография фигурок своеобразна: низкий равнобедренный косо заштрихованный треугольник образует туловище; одна из боковых сторон треугольника выходит за его вершину, изображая тем самым шею птицы; голову моделирует короткий отрезок, расположенный под острым углом к линии шеи. Косая штриховка параллельная «спинке», удачно имитирует оперение» [9]. К этому следует добавить, что птицы на сосуде из поселения Быстрый Кульёган-66 расположены в верхней половине и изображены двумя рядами вниз головой (рис. 1, 1). Основанием треугольному туловищу служит узкий пояс прочерченных волнистых линий. В такой же технике выполнены орнитоморфные фигуры. Идентичное изображение, но в обычном положении – головой вверх, нанесено в придонной части сосуда из поселения быстринской культуры – Барсова Гора II/8 (рис. 1, 2) [9, рис. 1, 4; 18, рис. 6, 4]. Если представленный орнаментальный сюжет вызывает ассоциации с образом водоплавающей птицы, то связывать с ним треугольник с отростком сомнительно, хотя, и не исключено. В период развитого и позднего неолита изображений птиц в орнаментальной графике пока неизвестно.

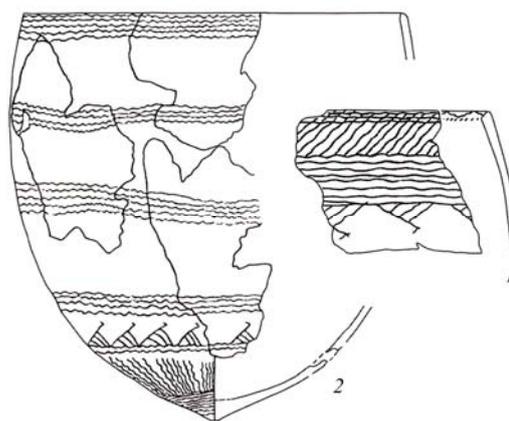

Рис. 1. Орнитоморфные изображения на керамике быстринской культуры. 1 – Быстрый Кульёган 66, 2 – Барсова Гора II/8
[Приводится по Ю. П. Чемякину]

Более распространенным образ птицы стал в энеолитическое время или переходный период от эпохи камня к бронзовому веку. В краткой информации, содержащейся в монографии Н. М. Чаиркиной, указано, что большая часть изображений связана с керамической посудой шувакишской культуры, но известны среди материалов стоянок Палкино, Карасье Озеро, Бараний Мыс, Юрьино IV, I Береговой, поселений Палатки I, Аятское Правобережное, Разбойничий Остров, Шигирского городища [17, с. 240 – 241]. Доминируют фигуры водоплавающих птиц, которые помещали в верхней части сосуда. Их наносили тем же инструментом, что и обычный линейный декор. Несмотря на то, что фигуры выполнены прямыми линиями, птицы имеют разный вид.

Стилистически можно выделить две группы изображений. К первой относятся изображения с геометрическим туловищем. Так, на сосуде из поселения Разбойничий Остров туловище птицы передано в виде заштрихованного треугольника. Длинная шея изображена в виде продолжения линии основания треугольника, на конце которой перпендикулярной очень короткой линией обозначена голова. Две длинные лапы переданы параллельными г-образными линиями, помещёнными в середине «нижнего» катета (рис. 2). На сосуде из поселения Палкино туловище птицы имеет форму прямоугольника, заполненного вертикальными, параллельными линиями. Шея продолжает линию правой стороны фигуры или расположена с наклоном вперед. Судя по линии обозначающей голову птицы, она немного опущена вниз и равна длине шеи (рис. 3). Близки этому изображению фигурки водоплавающих птиц в зоне венчика на одном из сосудов поселения Лева XII, расположенного на севере Зауралья в бассейне р. Конды (рис. 4).

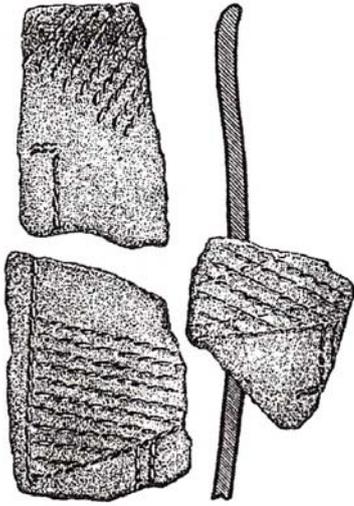

Рис. 2. Фрагмент сосуда с поселения Разбойничий Остров [по Н. М. Чаиркиной]

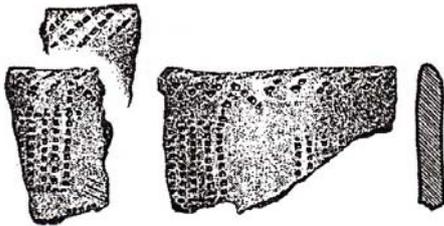

Рис. 3. Фрагмент сосуда с поселения Палкино [Приводится по Н. М. Чаиркиной]

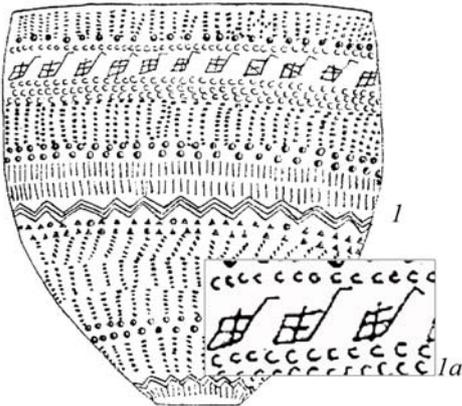

Рис. 4. Сосуд (1) с орнитоморфными изображениями с поселения Лева XII, 1а – увеличенный фрагмент рисунка [Приводится по Г. П. Визгалову]

Особенно идентична трактовка головы и шеи. Что же касается туловища, то оно изображено в виде ромба, крестообразно разделенного на четыре части [1, рис. 2, 7]. На сосуде из поселения Аятское Правобережное туловище изображенной птицы имеет прямоугольную форму, но заполненного тремя рядами отступающих оттисков вертикально поставленного

короткого гребенчатого штампа (рис. 5). Длинная широкая полоса, заполненная относительно параллельными линиями, передает шею птицы. В такой же манере трактована голова [17, рис. 63, 12]. К рассматриваемой стилистической группе изображений следует отнести сосуд из поселения Чебаркуль на Южном Урале, декорированный орнаментальной графикой [10, рис. 32, табл. 83]. Но в данном случае туловище оформлено оттисками шагающей гребенки. В целом это изображение не вызывает ассоциации с образом водоплавающей птицы. Но Г. Н. Матюшин называет его «уточкой», также как и изображения на посуде из поселения Суртанды VIII.

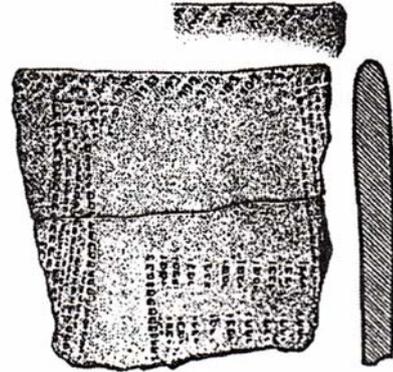

Рис. 5. Фрагмент сосуда с поселения Аятское Правобережное [Приводится по Н. М. Чаиркиной]

Вторую группу составляют изображения, выполненные в линейно-схематическом стиле. Обычно туловище обозначали 2 – 3 параллельных оттиска короткого гребенчатого штампа [17, рис. 63, 9 – 11]. В той же технике передана вертикально расположенная шея и горизонтальная или слегка наклоненная голова (рис. 6). В конечном итоге изображение приобретает вид символического знака из трех одинакового размера оттисков, напоминающих зеркальное отражение буквы z. Именно это символическое изображение получило наибольшее распространение в декоративно-прикладном искусстве более поздних исторических периодов Западной Сибири, в частности раннего железного века.

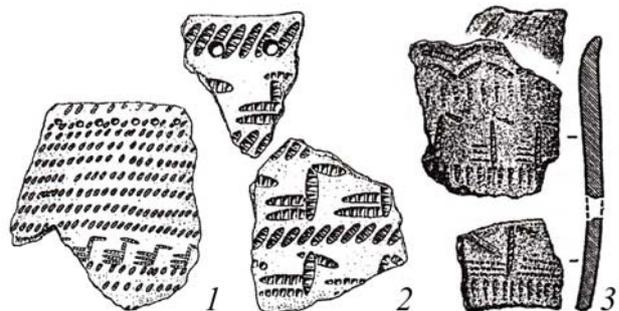

Рис. 6. Фрагменты сосудов с орнитоморфными изображениями. 1 – Шигирское городище, 2, 3 – Аятское Правобережное [Приводится по Н. М. Чаиркиной]

Вероятно, на промежуточную позицию между этими двумя стилистическими группами можно поместить изображения водоплавающих птиц с туловищем по форме близкой параллелограмму, выполненного тремя или четырьмя оттисками гребенчатого штампа, как на сосуде из поселения Каксинская Гора 3 [7, с. 139, рис. 77, 1]. Шея и крупная голова, иногда с хохолком, обозначены одной линией. Характерной особенностью данных изображений – наклон спины к хвосту (рис. 7). В такой же изобразительной манере выражена трактовка образа птицы на фрагменте ещё одного сосуда из поселения Леуши XIX [1, рис. 2, 1a]. Небезынтересно, что орнитоморфный орнаментальный пояс помещён в средней части сосуда.

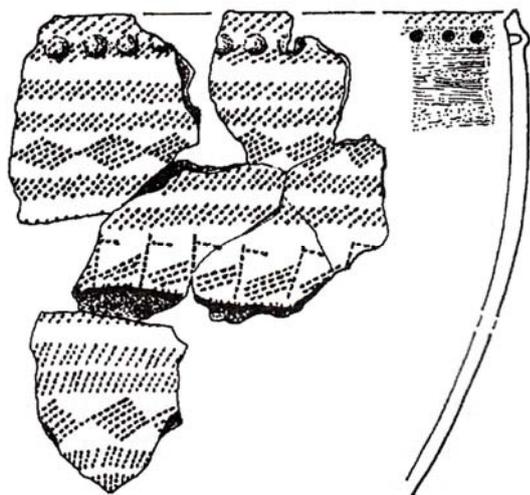

Рис. 7. Частичная реконструкция сосуда с поселения Каксинская Гора 3 [Приводится по С. Ф. Кокиарову]

Особое место в серии орнитоморфных изображений занимают фигуры птиц на сосуде из поселения Палатки I, исследованного В. Д. Викторовой (рис. 8). В верхней части сосуда нанесен ряд крупных птиц, а ниже – маленьких. Для первых характерно прямоугольное туловище, но выполненное четырьмя параллельными линиями. Только у одной птицы это узкий прямоугольник с, так называемой косой штриховкой. Также изображена длинная шея. Голова обозначена двумя короткими отрезками. Нижний ряд маленьких фигурок по иконографии и стилю идентичен крупным изображениям. Только шея передана параллельными линиями. Оттиски орнамента ниже туловища видимо обозначают лапы. Особенностью данных изображений является приподнятая задняя часть туловища.

Нельзя не обратить внимания на то, что при общей изобразительной традиции и двух стилистических направлениях ни одно изображение на разных сосудах абсолютно точно не повторяет другое. В большей степени это связано постановкой шеи, расположением и размерами головы. В первой стилистической группе – с формой и заполнением туловища. Несомненно, в этом своеобразии заключена передача состояния птицы и/или её видовая характеристика. Не менее важным является и то, что оба стилистических направления в энеолитический период существовали практически одновременно. Исследованиями ураль-

ских археологов, особенно Н. М. Чаиркиной, это убедительно доказано. Дискуссионной пока остаётся внутренняя хронология данного исторического периода.

Рис. 8. Реконструкция сосуда с поселения Палатки I [Приводится по Н. М. Чаиркиной; раскопки В. Д. Викторовой]

За пределами Зауралья, в период ранней бронзы, изображения птиц в стиле орнаментальной графики известны только в пограничье Кулундинской степи и Барабинской лесостепи – на керамике из памятника Новоильинка III [4, с. 226 – 227]. Выполненные гребенчатым штампом изображения птиц соответствуют первой стилистической группе зауральской орнаментальной графики. Что же касается культурной и хронологической атрибуции керамического комплекса, то К. Ю. Кирюшин совершенно аргументировано и точно соотносит его с материалами Венгерovo-3, которое датировано периодом ранней бронзы [12, с. 15]. Ещё одно изображение птицы в орнаментальной графике зафиксировано на сосуде игрековской культуры из таёжных районов Васюганья [6, рис. 122, 1]. Изображение выполнено зубчатым штампом, которым также нанесен орнамент в виде горизонтальных и вертикальных линий в зоне венчика. Практически в центре прямоугольного поля, образованного этими линиями, помещена фигура птицы. Двойными параллельными линиями передано туловище, которое приобрело форму ромба. От угла также сдвоенными, но вертикальными линиями, обозначена длинная шея птицы. Она заканчивается коротким горизонтальным оттиском, который передает голову. На противоположном углу ромба два оттиска обозначают хвост. Верхний угол имеет небольшой отросток, продолжающий линию стороны ромба. Вероятно, таким образом было обозначено определенное состояние крыла птицы. Согнутые в коленях длинные ноги изображены в нижнем углу двумя линиями (рис. 9). Другая фигура на фрагменте сосуда происходит из

поселения Тух-Сигат IV, также как и предыдущая [6, рис. 122, 4]. Изображение выполнено зубчатым штампом. Туловище выражено в форме прямоугольника, заполненного оттисками короткого широкого штампа; немного отклоненная назад шея – двумя параллельными линиями. Она заканчивается изображением маленькой головы. Длинные когтистые ноги поставлены так, чтобы передать птицу в движении.

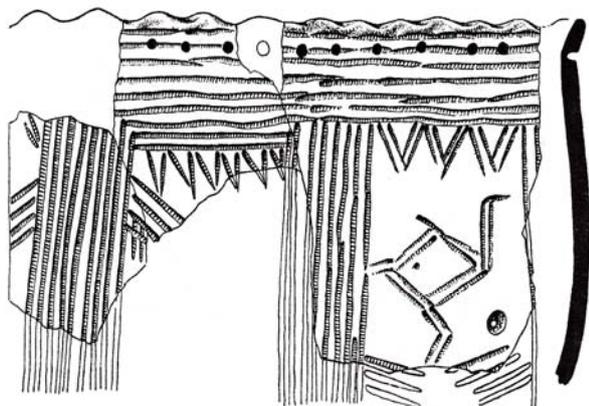

Рис. 9. Фрагменты сосуда с поселения Тух-Сигат IV [Приводится по Ю. Ф. Кирюшину]

Можно полагать, что в период сейминско-турбинской эпохи традиция изображения птиц в орнаментальной графике исчезла на территории Урала и Зауралья. Но совершенно неожиданно она возникла в самусьской археологической культуре южно-таёжных районов Томско-Нарымского Приобья. В лесостепных районах ареала этой культуры – Новосибирском Приобье и в Кузнецкой котловине – керамики с орнитоморфной графикой до сих пор неизвестно. В целом, обобщая все известные материалы по древнему искусству, можно констатировать, что в пределах Западной Сибири нет ни одной археологической культуры, кроме самусьской, в которой бы сохранились черты изобразительной традиции мобильного искусства периода смены эпох от камня к палеометаллу. В синхронной ей кротовской и отчасти одновременной одиновской культурах, распространенных в лесостепи Обь-Иртышья, мобильное искусство представлено незначительным количеством предметов в виде скульптуры (образы птиц, медведя). Но изображения головы птицы стилистически и иконографически не имеют аналогов в сибирской изобразительной практике [13]. В окуневском искусстве – изваяния, изображения на отдельной каменной плоскости или скале, мелкая пластика – также практически отсутствует автохтонная изобразительная традиция. Д. Г. Савинов, М. Д. Хлобыстина, Б. Н. Пяткин, К. Йетмар полагают, что его истоки связаны с культурами Передней или Южной Азии. Только костяная пластина с изображением медведя напавшего на лося из могильника Стрелка и фигурка медведя из могильника Карасук II сохраняют черты, свойственные сибирскому изобразительному творчеству [14; 8].

К фигурам птиц самусьской орнаментальной графики неоднократно обращались исследователи, но намного реже, чем к анализу антропоморфных изо-

бражений. Но при этом они практически не были включены в круг источников для решения проблемы происхождения самусьской изобразительной традиции. Исключение составили исследования И. Г. Глушкова, который изображение водоплавающих птиц на сосуде из поселения Самусь IV связывал с местной традицией [2]. Но из контекста статьи ясно, что под местной он понимал сибирскую традицию, противопоставляя её так называемой «южной». К его концепции вернемся после анализа изображений птиц на самусьской керамике.

По данным Ю. Н. Есина, изображения птиц представлены на 7 фрагментах сосудов, найденных на поселении Самусь IV [3, с. 69]. Он же верно выделяет две стилистические группы, не определяя их название [3, с. 67 – 68]. Первую группу, как и в Зауралье, характеризует изображение туловища в виде геометрической фигуры. Но принципиальное отличие состоит в том, что в самусьской традиции оно передано овалом или в форме яйца. Объяснять это только отступающе-накольчатой техникой нанесения орнамента, свойственного декору самусьской археологической культуры, вряд ли правомерно. Липчинский декор Зауралья также основан не на гребенчатом штампе. Самусьская форма изображения туловища птицы, хотя условна, но больше соответствует действительности. Так как в публикациях коллег не было цели изучения стилистических и иконографических особенностей орнаментальной графики, это отразилось на описании изображений. Поэтому здесь и выше привожу собственную характеристику орнитоморфных фигур.

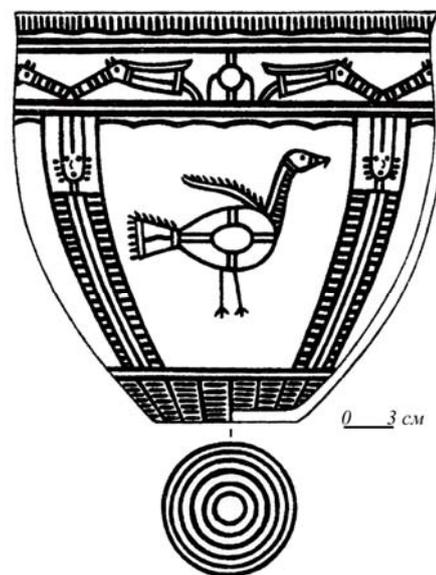

Рис. 10. Реконструкция сосуда с поселения Самусь 4 [Приводится по Ю. Н. Есину]

На одном из так называемых ритуальных сосудов, видимо, было четыре изображения птицы. Они удивительно повторяют друг друга. Их туловище в центре заполнено овалом, от которого крестообразно отходят по две параллельных линии. Трапециевидной формы хвост передан в плане, то есть, показан вид сверху. Двумя линиями обозначены вершина и основание трапеции. Посредине её разделяет продольная

линия. Обрамляют одну сторону и основание короткие оттиски соответственно под углом и перпендикулярно (рис. 10). Длинная шея птицы чуть-чуть наклонена вперёд. Она передана лестничным орнаментальным мотивом и усилена по «загровку» параллельной линией. Именно эта линия формирует округлую голову птицы, расположенную горизонтально. Она, за исключение клюва, передана реалистично. Глаз изображен в виде круглого углубления, клюв отделен двумя поперечными линиями. Особенность его – гипертрофированно изогнутый вниз конец (под острым углом к горизонтали). Ю. Н. Есин и Ю. И. Михайлов считают, что эта иконографическая деталь являлась морфологической особенностью мифологического образа [3, с. 99; 11, с. 88]. Крыло расположено по диагонали относительно линии шеи и спины, то есть оно как бы поднято вверх, и передано слегка волнообразной двоярной линией с короткими, помещенными под углом, отростками с внешней стороны. Трехпалые длинные ноги немного расставлены. В такой же технологической и стилистической манере выполнены изображения ещё на трех фрагментах, которые, вероятно, относятся к разным сосудам. На них

сохранились только часть шеи и голова. Но этого достаточно для того, чтобы определить индивидуальные особенности фигур. Удивительно то, что в них можно видеть отражение развития изобразительной традиции от условно-реалистической манеры к схематизму. На одном фрагменте сохранилась округлая голова птицы с изображением глаза в виде круглой ямки и часть клюва, переданного двумя линиями (рис. 11, 1). На фрагменте от другого сосуда голова птицы также имеет округлые очертания, но относительно ширины шеи очень маленькая. Шея изображена двумя линиями, пространство между которыми заполнено поперечными короткими линиями. Но концы их не соединяются с линией «загровка». Особенность изображению придаёт овальной формы глаз и изогнутый посредине клюв, причём под прямым углом. Он обозначен одной линией (рис. 11, 2). На фрагменте от третьего сосуда голова птицы не только соответствует ширине шеи, которая также заполнена поперечными линиями, но и имеет вид ромба, одна сторона которого передает горизонтальную линию лба. За пределами угла она идет вниз, образуя короткий отрезок. Таким приёмом обозначен клюв птицы (рис. 11, 3).

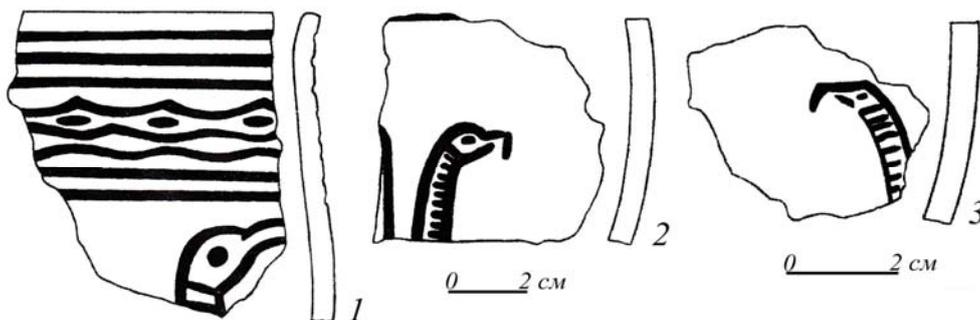

Рис. 11. Фрагменты сосудов с поселения Самусь 4 [Приводится по Ю. Н. Есину]

Оригинален сосуд из поселения Самусь IV, на котором изображены четыре пары птиц. Несмотря на иную технику нанесения орнаментальной графики (оступающе-накольная), стилистическая характеристика изображений не изменяется, хотя определенное своеобразие достаточно выражено. Пары представлены в так называемой геральдической позе, то есть, навстречу друг другу. Туловище передано в виде овальной или эллипсовидной фигуры. Только в одном случае у него каплевидная форма. Поверхность туловища имеет дополнительное оформление, но практически у всех птиц оно различное. Тем не менее, обязательным атрибутом являлось выделение дугой небольшого участка на груди ближе к шее. Этой детали нет только у одной пары. Заполнение ограничено продольной линией – у одной фигуры от груди до хвоста, а у другой – до середины. У остальных пар также присутствует продольная линия, но у некоторых фигур её сопровождают дополнительные детали: одиночные или цепочки наколов орнамента. Только у одного изображения за участком, отделенного дугой, наколы нанесены бессистемно. Случайно или нет, но их комбинация на одной фигуре напоминает личину. Если это не случайность, то личина не характерна стилю антропоморфных изображений самусь-

ского искусства. Что же касается изображения других компонентов, то они абсолютно вписываются в изобразительную традицию населения этой культуры. Особенно показательное изображение крыла в виде дуги над спиной птицы. Постановка шеи, изображение головы, лап, хвоста отличают каждую из 8 птиц (рис. 12).

Среди всех самусьских орнитоморфных изображений только на одном сосуде они имели схематичный вид, идентичный второй стилистической группе зауральской орнаментальной графике. Но эта символика настолько проста, что могла возникнуть конвергентно, как в пространстве, так и во времени.

Выводы

Сравнивая орнитоморфные изображения в стиле орнаментальной графики Зауралья и Томско-Нарымского Приобья (двух географических регионов, совпадающих по ландшафтным характеристикам), несложно заметить иконографические и стилистические различия. Объяснять их видовой принадлежностью изображенных птиц вряд ли правомерно, также как и принадлежностью к разным историко-хронологическим периодам. Если в зауральском древнем искусстве все изображения птиц связаны с водоплавающими видами, то в самусьском искусстве Томско-

Нарымского Приобья они составляют половину всех изображений. Вторая половина связана с луговыми и болотными видами птиц. По крайней мере, в работах Ю. Ф. Кирюшина приведены профессиональные определения видов птиц, изображенных на самусьской керамике [5, с. 113 – 114; 6]. Причины различий в искусстве кроются в истоках формирования культур, а они могли лежать как в местной, сибирской среде, так и далеко за её пределами. Идея о южных истоках происхождения самусьской культуры, особенно выраженных в её искусстве, достаточно широко распространена. Но не исключается сохранение в этой культуре какой-то доли местного компонента. Однако среди специалистов нет единства взглядов на географическое место «южных истоков». Нет необходимости останавливаться на полемике по этому вопросу, так как Ю. Н. Есин в монографии дает историографию проблемы происхождения самусьской культуры [3, с. 11 – 35, 169 – 177] и отмечает различные точки зрения. Какой бы центр (претендент на прародину) не рассматривался специалистами – Передняя, Южная или Центральная Азия – изображения птиц в стиле орнаментальной графики не привлекались в качестве аргумента, подтверждающего идею исследователя. Дело в том, что абсолютных или относительно близких аналогий самусьским птицам вряд ли найдем в искусстве земледельческо-скотоводческих культур

субтропического пояса. С другой стороны аналогий им нет и сибирской изобразительной традиции древних популяций, для которой нехарактерны округлые формы в передаче частей тела. Но круг, овал, спираль, дуга были типичны для южного искусства в его широком географическом и историко-культурном смысле.

Теоретически отмеченное противоречие можно объяснить следующим образом. Томско-Нарымское Приобье представляло собой северную периферию в процессе миграции европеоидного населения из районов Передней и Южной Азии. Естественно, что их воздействие на автохтонную культуру было слабее, чем на культуру территории Среднего Енисея. Воспринятые мигрантами мировоззренческие идеи местного населения, в частности, связанные с образом птицы, требовали воплощения в изобразительном творчестве. И они выработали свои иконографические приемы, используя опыт воплощения образов (округлые формы), который был в их исконной традиции. Соответственно, преемственность в орноморфной орнаментальной графике древних народов Западной Сибири, а точнее Зауралья и самусьской культуры, выражена не в стиле и иконографии, а в образах, позе и динамике. С точки зрения изобразительной традиции преемственность практически отсутствует.

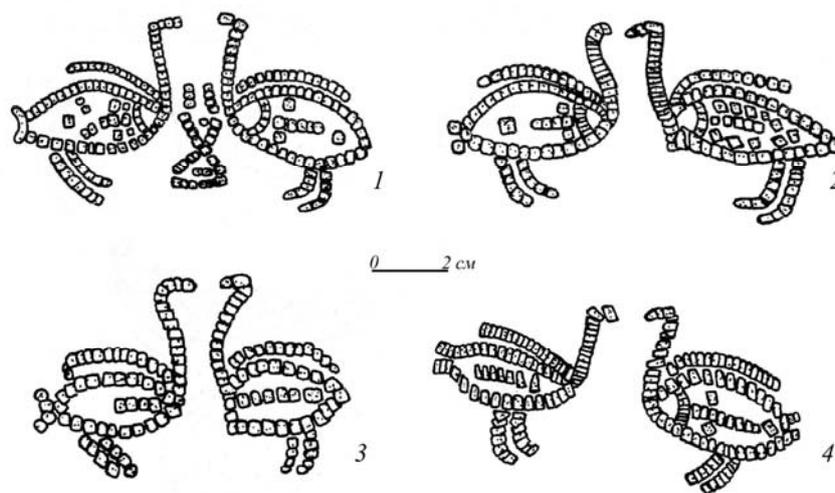

Рис. 12. Орноморфные изображения на посуде из поселения Самусь 4 [Приводится по Ю. Н. Есину]

Литература

1. Визгалов, Г. П. Поселения с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Конды / Г. П. Визгалов // Материальная культура населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: УрГУ, 1988. – С. 47 – 53.
2. Глушков, И. Г. Две традиции в самусьском керамическом искусстве / И. Г. Глушков // Модель в культурологии Сибири Севера. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – С. 51 – 65.
3. Есин, Ю. Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура / Ю. Н. Есин // Труды музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. – Томск: ТГУ, 2009. – Т. II. – 526 с.
4. Кирюшин, К. Ю. Поселение Новоильинка III – памятник энеолита Кулунды / К. Ю. Кирюшин, С. М. Ситников, В. П. Семibrатов [и др.] // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т. I. – СПб.; М.: Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011.
5. Кирюшин, Ю. Ф. Изображения птиц и животных на керамической посуде из южнотаёжного Приобья / Ю. Ф. Кирюшин // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983.
6. Кирюшин, Ю. Ф. Энеолит и развитая бронза южно-таёжной зоны Западной Сибири / Ю. Ф. Кирюшин – Барнаул: АлтГУ, 2004. – 295 с.

7. Кокшаров, С. Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири / С. Ф. Кокшаров. – Екатеринбург: Волот, 2009. – 272 с.
8. Комарова, М. Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее / М. Н. Комарова // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 76 – 90.
9. Косинская, Л. Л. Образ водоплавающей птицы на керамике быстринского типа / Л. Л. Косинская // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: ИПСО СО РАН, 2001. – С. 57 – 60.
10. Матюшин, Г. Н. Энеолит Южного Урала / Г. Н. Матюшин. – М.: Наука, 1982. – 328 с.
11. Михайлов, Ю. И. Костяные изображения поселения Танай 4А в культурном контексте эпохи бронзы / Ю. И. Михайлов // Историко-культурное наследие Кузбасса. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – Вып. III.
12. Молодин, В. И. Бараба в эпоху бронзы / В. И. Молодин. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
13. Молодин, В. И. Древнее искусство Западной Сибири / В. И. Молодин. – Новосибирск: Наука, 1992. – 191 с.
14. Савинов, Д. Г. Окуневские могилы на севере Хакасии / Д. Г. Савинов // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 111 – 117.
15. Савинов, Д. Г. О цикличном характере распространения традиций в средневековых культурах Саяно-Алтайского нагорья / Д. Г. Савинов // Культурные традиции народов Сибири и Америки: преемственность и экология (горизонты комплексного изучения). – Чита, 1995.
16. Савинов, Д. Г. О цикличном воспроизведении традиций (к обсуждению проблемы) / Д. Г. Савинов, В. В. Бобров // XVII Уральское археологическое совещание. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. – С. 48 – 51.
17. Чаиркина, Н. М. Энеолит Среднего Зауралья / Н. М. Чаиркина. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 312 с.
18. Чемякин, Ю. П. Барсова Гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность / Ю. П. Чемякин. – Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. – 224 с.

Информация об авторе:

Бобров Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой археологии КемГУ; заместитель директора по научной работе Института экологии человека СО РАН (г. Кемерово); klae@kemsu.ru.

Vladimir V. Bobrov – Doctor of History, Professor; Head of the Department of Archaeology, Kemerovo State University; Deputy Director for Science, Institute for Human Ecology of the Siberian Branch of the RAS.